В.М.Межуев,
доктор философских наук, профессор

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Взаимоотношение государства и культуры не может быть ограничено рамками деятельности Министерства культуры, следовательно, не является только ведомственной проблемой. Во-первых, многое в культуре, например образование, наука, спорт, не подчинено этому органу, во-вторых, проблема эта возникла намного раньше, чем появились первые министерства культуры, что, кстати, тоже нуждается в объяснении.

Необходимо, прежде всего, учитывать прямую зависимость государства от культуры. Долгое время мы говорили о зависимости государства от экономики, считали экономику базисом, а государство – надстройкой. Сегодня ясно, что зависимость государства от культуры не меньшая, чем от экономики. От характера господствующей в обществе культуры во многом зависят тип государственного устройства, политические нравы и отношения.

Существует и другая сторона проблемы: зависимость культуры от государства. Сегодня модно говорить о свободе культуры от государства, проводя прямую аналогию между культурой и рынком. Означает ли это, что государство должно устраниться от решения проблем культуры, полностью уйти из этой сферы? И как это можно сделать?

За последнее годы наука и искусство в нашей стране, действительно, освободились от идеологического диктата власти, от прямого политического заказа и государственной цензуры. С принципом классовости и партийности в культуре давно покончено. Все виды творческой деятельности стали свободными в прямом смысле слова. Никто не сомневается, что это огромное достижение. Но вместе с творческой свободой пришли и новые проблемы. Так, у некоторых деятелей науки и искусства сложилось представление о том, что если они еще связаны с государством, то только экономически, являясь первыми кандидатами на его финансовую помощь и поддержку. Денег, отпускаемых государством на науку и искусство, пока действительно мало, но только ли этим ограничивается его роль в культуре? Правы ли те, кто видит в государстве исключительно лишь источник собственного финансирования? На мой взгляд, существует более глубокая потребность культуры в государстве, которую мне хочется рассмотреть в первую очередь. В какой-то мере ее можно

сравнить с потребностью религии в церкви. Как религиозный культ нуждается в церковной организации, так и светская культура нуждается в государстве, причем не только в качестве финансового донора.

Зависимость культуры от государства существовала во все времена, но по-разному проявлялась на разных этапах истории. В демократическом государстве она выглядит, разумеется, иначе, чем в предшествующие периоды. В обществе с монархической формой власти государство выступает как главный покровитель искусств и наук, беря на себя функцию финансового обеспечения их наиболее выдающихся представителей. Это понятно, если учесть, что государство здесь – в лице монарха и правящей элиты – главный заказчик и потребитель культурной продукции. Это время придворных театров, придворных композиторов и музыкантов, придворных архитекторов и художников. Кто платит, тот, естественно, заказывает музыку, что не мешает, однако, появлению выдающихся художественных творений, ставших затем мировой классикой. Очевидно, вкусы заказчиков были достаточно развиты, чтобы не препятствовать этому.

Идущая из прошлого традиция государственного покровительства искусствам и наукам сохраняется во многом и сегодня. Поддерживается она мнением, что главным объектом государственного попечительства в области культуры являются творческие работники. Да и сами деятели культуры видят в этом прямой долг государства. Но как совместить подобное мнение с желанием творческой свободы? Пока люди искусства работали на власть, выполняли ее заказы, они умели совмещать свободу творчества с финансовой поддержкой власти (естественно, в пределах, допускаемых заказчиком), но как сочетать то и другое в ситуации полной независимости творчества от власти? Зачем государству платить за музыку, которую оно не заказывало?

По мере того как художник обретает творческую свободу, финансовую поддержку творчества, он все чаще находит не у государства, а в массовом спросе на свою продукцию, т.е. на рынке. Свобода творчества неизбежно превращает продукты творчества в товар, имеющий рыночную стоимость. Сфера культурного производства и обмена, подобно рыночному производству, в этой ситуации постепенно уходит из-под власти государства, сокращая тем самым его финансовую опеку. Художник, работающий на рынок, имеющий рыночный успех, подобно любому предпринимателю, лицо, экономически независимое от государства. Он может зависеть от частных компаний и фирм, дающих ему определенный заказ или торгующих продуктами его труда, но это совсем другая зависимость. Что же остается на долю государства, какова его культурная роль в условиях

рынка? Взаимоотношение культуры и государства оказывается здесь частью более общей проблемы – взаимоотношения рынка и государства. Применительно к культуре она выглядит следующим образом: означает ли демократизация культуры ее полную коммерциализацию, ее превращение в простую разновидность предпринимательской деятельности?

Демократическое государство, как я полагаю, делает объектом своей защиты и покровительства не столько самих деятелей и творцов культуры, сколько ее потребителей – читателей, зрителей, слушателей и пр. Предоставляя первым право на свободу творчества, государство обязано следить за соблюдением права каждого на свободный доступ к уже созданным, прошедшим испытание временем результатам этого творчества, причем в их полном объеме. Решить эту задачу рыночным путем невозможно, поскольку рынок видит в человеке не потребителя, а покупателя культуры, т.е. в плане культуры ставит его в прямую зависимость от размеров его кошелька, что противоречит самой сути культуры, которая является всеобщим достоянием, принадлежит каждому и потому всем. Рынок и культура по многим параметрам – несовместимые вещи.

Культуру, как и природу, нельзя приватизировать, превратить в чью-то частную собственность. Если это происходит с произведениями искусства (например, с картинами, приобретаемыми для частных коллекций), то тем самым они изымаются из культурного оборота, перестают быть культурой в точном смысле этого слова, как не являются культурой написанная, но не изданная (следовательно, никем не прочитанная) книга, снятый, но никому не показанный фильм.

Приобретая, например, на рынке книгу того или иного автора, мы приобретаем в частное пользование продукцию полиграфической промышленности, но не творчество самого автора. Разве можно приватизировать творчество Пушкина и Достоевского, теорию относительности или квантовую механику? Можно приватизировать электростанцию, но нельзя приватизировать теорию электричества. Научное знание, как и творчество выдающихся художников, по природе своей – предмет всеобщего пользования. Только в таком качестве они и являются культурой.

То, что в культуре не подлежит приватизации, как раз является объектом государственной опеки и защиты, смысл которой – в ее охране от захватов частной собственности и рынка, в обеспечении равного доступа к ней всех слоев и групп населения.

Творцы культуры могут работать и на рынок, но созданное ими, если оно действительно обладает общекультурной ценностью, рано или поздно становится достоянием нации, пользование которым яв-

ляется неотъемлемым правом каждого ее представителя. Без этого просто нет нации. В обществе нет другого института, кроме государства, который мог бы взять на себя роль гаранта этого права. Будучи властью народа, демократия, помимо прочего, уравнивает людей в их праве на культуру, что не может быть обеспечено никаким рынком. Право народа на власть, даваемое демократией, означает и его право на культуру, ибо без культуры власть народа – пустая фикция. Если наличие частной собственности в сфере экономики, влекущее за собой экономическое неравенство, во многом сокращает возможности демократии (о чем свидетельствуют все современные теории демократии и гражданского общества), то ее распространение на область культуры делается практически невозможным.

Неравенство в культуре, в культурном развитии, предельным случаем которого является хорошо известная нам из нашей истории безграмотность большинства населения, – наиболее яркое свидетельство сохраняющихся пережитков сословно-феодального строя, далекого от всякой демократии. Как следует из истории, демократия начинается не с дележа собственности на неравные части, а с просвещения, которое означает право каждого на свободный и равный доступ к образованию и культуре. Власть, которая не считается с этим правом, ограничивая свою задачу лишь поощрением избранных и приближенных к ней художников и ученых, не является демократической, остается в плену сословных привычек и манер. А обеспечить это право можно лишь посредством перевода учреждений культуры, имеющих общенациональное значение, в разряд финансируемых из государственной казны, причем безотносительно к их рыночной самоокупаемости. При этом государство тоже может назначить плату за предоставляемые им культурные блага и услуги, т.е. превратить их в товар, но не по рыночной цене, а по той, которая доступна большинству населения.

В любом случае проводимая в демократическом государстве культурная политика должна иметь точные ориентиры и цели, исходить из ясных и понятных всем культурных приоритетов. Она уже не может выражать случайные вкусы, капризы и прихоти находящихся у власти людей, а должна служить интересам каждого гражданина и нации в целом.

Культура требует больших денег, которых у государства не так много, и надо знать, на что их тратить в первую очередь. Источник денег один: собираемые налоги. Государство содержит культуру на деньги налогоплательщиков, а потому они, в конечном счете, и должны решать, на что их тратить. Есть ли у нас сегодня согласие между обществом и властью по поводу государственных приоритетов в области культуры? Можно, конечно, поддержать культуру из

собственного кармана, купив билет в театр или кино, но этим мы поддерживаем лишь то, что нам нравится лично. В данном случае не важно, кому принадлежит то, что нам нравится, – государству или частному лицу. В качестве же налогоплательщиков люди поддерживают то, что при любых обстоятельствах не может быть отдано в частные руки, что принадлежит всем. Иначе зачем платить налоги? Можно, например, не любить классическую оперу или балет, но нельзя не понимать, что Большой театр – общенациональное достояние. Потому он и должен существовать как государственный театр, т.е. за наш общий счет, что обеспечит его сохранность в качестве важнейшего очага национальной культуры.

Что, собственно, мешает нам превратить всю культуру в предмет купли и продажи, осуществить, так сказать, ее тотальную денационализацию? Почему нельзя продать Третьяковскую галерею, Русский музей, Эрмитаж, приватизировать все театры и музеи, все библиотеки, все научные и образовательные учреждения, все памятники истории и архитектуры? Почему этим нельзя торговать, как нефтью и газом? Ведь торгуют же спортивными клубами, киностудиями, телевизионными каналами, газетами, издательствами и многим другим. И в ущербе от этого отнюдь не те, кто напрямую связан с перечисленными организациями, кто поставляет свою продукцию – спортсмены, журналисты, артисты, писатели и художники. Получать из частной кассы намного выгоднее, чем из государственной. С экономической точки зрения, я не вижу никаких препятствий для продажи и всего остального, а денежный выигрыш государства от этих продаж будет огромным: можно заплатить все долги, повысить пенсии и зарплаты бюджетникам, снять с себя тяжелое финансовое бремя по обслуживанию культуры. Кому-то, возможно, и приходит в голову такая мысль, но для большинства, я уверен, она представляется абсурдной. А если так, то встает вопрос: почему этого не нужно делать. Отвечая на него, мы и поймем, зачем культуре нужно государство.

Смысл вопроса предельно прост. Что лучше для культуры: когда она находится под опекой государства или целиком принадлежит частным лицам? В какой мере решение проблем культуры можно передоверить частному капиталу? Тот же вопрос обсуждается и на Западе.

Передо мной книга, написанная двумя крупными специалистами (американцем и англичанином) в области культурной политики М.Пахтером и Ч.Лэндри, изданная у нас под названием «Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке». Первое, что констатируют авторы, – наличие в культуре совершенно новой ситуации, в корне отличной от той, что существовала еще недавно. Они считают, что эта ситуация создает весьма тревожную атмосферу,

вызванную, прежде всего, тем, что они называют «кризис финансирования». «Те, кто обычно вкладывал средства в культуру, – пишут они, – сегодня задумываются, почему они это делают, на что идут их средства, и требуют, чтобы работники сферы культуры по-новому объяснили свои цели и задачи. Это относится как к государственному финансированию, так и к частным спонсорам, корпорациям или социальным элитам, которые вносят свой финансовый вклад в деятельность организаций культуры». Правда, как отмечают авторы, и западные бизнесмены сегодня все менее охотно тратят деньги на культурные проекты, считая их весьма сомнительными по своим целям и задачам.

Кем же в таком случае должна поддерживаться культура, или она должна превратиться в особый вид бизнеса, в чисто коммерческую деятельность, стать, так сказать, самоокупаемой? Вот о чем следует договориться в первую очередь.

Проблема культуры и государства сегодня – не просто проблема художника и власти, как всегда казалось. Государство сегодня за редким исключением никому и ничего не заказывает. Правда, и сейчас есть те, кому оно особо покровительствует, выделяет среди других. Их имена все знают. В этом качестве власть во многом остается традиционно-барственной, недемократической. Но она недемократична и тогда, когда вопрос о культуре предоставляет решать рынку. Право пользования культурой столь же не приватизируемо, как и право власти. Приватизация власти ведет к бюрократическому перерождению государства, приватизация культуры – к расколу общества на властвующую элиту и зависимую от них массу. В условиях демократии государство становится главным гарантом этого права, создавая и финансируя те организации и институты, которые способны обеспечить всему населению страны равный и свободный доступ к культуре.

Иное дело, что сама культура сегодня сильно изменилась, что мы живем в мире со сложным и во многом новым культурным ландшафтом. Наряду с высокой культурой существует популярная, массовая культура, многие другие ее виды и подвиды. Означает ли это, что государство должно поддерживать все формы культурного потребления, заботиться о доступности всего, что существует сегодня в культуре или называется этим словом? Где граница между государственным и частным в культуре? На эти вопросы нет пока четких ответов. Я ответил бы на него следующим образом. То, что в современной культуре создается в расчете на сиюминутный массовый спрос, может существовать частным образом. Так оно и происходит. Массовая культура работает большей частью на рынок, является по преимуществу шоу-бизнесом, находящимся в частных руках. Но то,

что в культуре стало традицией, обрело значение общенациональной ценности, не может и не должно приватизироваться ни при каких условиях. Эта часть современной культуры принадлежит всей нации в целом, т.е. каждому из нас. Ее можно сделать платной (мы же платим за предоставляемые нам культурные услуги), но нельзя делать частной, принадлежащей одному лицу.

Поясню это на примере Большого театра. За просмотр его спектаклей можно брать деньги, можно найти для него частных спонсоров (так это делается во всем мире), но нельзя лишать его статуса государственного театра, что, разумеется, не препятствует появлению каких-то других частных театров. Если спектакли Большого театра – это товар, то сам Большой не может быть товаром. Он является общенациональным достоянием (независимо от того, посещаем мы его или нет), и потому продажа его в частные руки равносильна культурной экспроприации народа, лишения его прав собственности на свою национальную культуру. Возможно, в частных руках Большой театр экономически и даже творчески расцветет, но останется ли он подлинно национальным театром, таким, например, как Ла Скала в Италии или Гранд-опера во Франции?

Мне могут возразить: МХАТ процветал, пока был частным театром, и зачах, когда стал государственным. Это верно, конечно, учитывая характер советского государства. Но что было бы с ним в качестве частного театра после смерти его основателей? Срок существования большинства частных театров недолог. Только государство способно продлить жизнь тому, что берет под свое покровительство. Потому-то нельзя превращать в товар образовательные, просветительные, научные, художественные учреждения культуры, в которых сосредоточен культурный фонд нации. Здесь такая же ситуация, что с собственностью на природные богатства: отдали ее в частные руки и оставили народ ни с чем.

Казалось бы, сказанное не нуждается в особых доказательствах, но почему сегодня так часто говорят о приватизации исторических и культурных памятников и даже научных учреждений, оправдывая это тем, что государство не в состоянии их содержать? Почему за государственную бесхозяйственность должна расплачиваться нация, лишаясь права на принадлежащее ей культурное достояние? Свобода творчества – это замечательно, но она не предполагает свободу частного лица распоряжаться тем, что ему не принадлежит ни по праву творчества, ни по праву наследования.

И последнее. Я не верю в то, что рынок заключает в себе стимул для развития культуры. Культура (если правильно понимать смысл этого слова) на рынке не создается. Ею в принципе нельзя торговать. Продать и купить можно вещественные носители культуры, но

не саму культуру. Она формируется посредством освоения людьми результатов и достижений в разных областях творчества, т.е. в процессе культурного потребления. Не сама по себе покупка книги, а чтение формирует культурного человека. Но для этого необходим неограниченный доступ к культуре, который в полной мере обеспечивается государством. В нашей истории оно решало проблему ликвидации неграмотности, формирования кадров интеллигенции во всех областях знания и техники, развития науки и высоких технологий, создания публичных очагов культуры – библиотек, музеев, клубов и многого другого. И никакой рынок не решит за государство эту задачу. Если оно сегодня не справляется с ней, то это говорит не о преимуществе рынка, а о слабости государства.